

S E R I E S M I N O R

АНДРЕЙ ТАРАСОВ

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?

ПРАВЕДНИКИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Studia philologica

Андрей Тарасов

**Что есть истина?
Праведники Льва Толстого**

«Языки Славянской Культуры»

2001

Тарасов А. Б.

Что есть истина? Праведники Льва Толстого / А. Б. Тарасов —
«Языки Славянской Культуры», 2001 — (Studia philologica)

В данной книге представлено монографическое исследование, посвященное духовно-религиозным аспектам художественного творчества Л. Н. Толстого. Большое значение придается практически не исследованным «малым» произведениям и наброскам писателя, имеющим принципиальное значение при изучении представлений Толстого о высшей жизненной правде. В отечественном сознании сложился образ Толстого-бунтаря и богоотступника, расшатывающего церковные и государственные устои. В последние годы все более популярным становится иная идея – идея Толстого как религиозного учителя всего человечества, идея «духовного экуменизма» писателя. Автор книги убежден, что существенным в художественном мире писателя следует признавать православное понимание правды и праведничества. Раскрытие православной стороны литературного наследия Толстого в сопоставлении с неправославной, предпринятое в книге, позволяет значительно расширить представление о реальных сложности и богатстве личности и творчества великого писателя. Книга адресована как филологам, философам, религиоведам, так и всем, интересующимся историей культурной и духовной жизни России.

© Тарасов А. Б., 2001

© Языки Славянской Культуры, 2001

Содержание

Глава первая	6
1	6
2	7
3	8
4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Андрей Борисович Тарасов

Что есть истина?

Праведники Льва Толстого

Моим любимым родителям Б. Н. Тарасову и Л. И. Тарасовой

Кандидат филологических наук, член редколлегии журнала «Вестник Российского гуманитарного научного фонда» Андрей Борисович Тарасов уже известен читателю как автор статей по истории русской литературы XIX – XX вв.

В данной книге представлено монографическое исследование, посвященное духовно-религиозным аспектам художественного творчества Л. Н. Толстого. Большое значение придается практически не исследованным «малым» произведениям и наброскам писателя, имеющим принципиальное значение при изучении представлений Толстого о высшей жизненной правде. В отечественном сознании сложился образ Толстого-бунтаря и богоотступника, расшатывающего церковные и государственные устои. В последние годы все более популярным становится иная идея – идея Толстого как религиозного учителя всего человечества, идея «духовного экуменизма» писателя. Автор книги убежден, что существенным в художественном мире писателя следует признавать православное понимание правды и праведничества. Раскрытие православной стороны литературного наследия Толстого в сопоставлении с неправославной, предпринятое в книге, позволяет значительно расширить представление о реальных сложности и богатстве личности и творчества великого писателя.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G E • C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G E • C GAD.

Глава первая

Како мыслиши, литературовед?

1

В музее Л. Н. Толстого в Ясной Поляне есть так называемая «сундучная комната», где, помимо прочих интересных предметов, связанных с жизнью писателя, хранятся и ленты от венков с его могилы. Среди восторженных надписей на этих лентах попадетя и такая: «Льву – великому богу». Во многом именно с Толстым был связан апогей гуманистической религии человекобожества, охвативший различные слои не только европейского, но и русского общества на рубеже XIX–XX вв.

В этом отношении показательны дарственные автографы на книгах и брошюрах, адресованных Толстому и до сих пор хранящиеся в его яснополянской библиотеке. Так, например, крестьянин И. Г. Болтышев подарил Толстому книгу со следующей надписью: «Великому Гению Мысли человеческой и носителю Правды Истинного восстановления Учения Иисуса Христа Льву Николаевичу Толстому». А. А. Волков прислал писателю «Записки унтер-офицера» с надписью «Великому апостолу мира Графу Льву Николаевичу Толстому», а А. Радомский сопроводил свою книгу «Сын народа» словами «Добросовестнейшему истолкователю Евангелия Льву Николаевичу Толстому». Еще более откровенное превозношение писателя при чтении посвящения ему от П. А. Рогозинского, автора книги «Сброшенные оковы»: «Великому писателю Земли Русской, дивному источнику правды – графу Льву Николаевичу Толстому». Всем известно и отношение А. П. Чехова к жизни и творчеству Толстого – если умрет великий писатель, то всё «пойдет к черту» и не будет у людей нравственной опоры. Любопытно отметить, что некоторые представители интеллигенции (к примеру, К. И. Чуковский) подобным образом воспринимали самого Чехова.

С другой стороны, в наше время читатель получает все большую возможность ознакомиться с иной точкой зрения на Толстого. Так, среди церковных людей разного сословия XIX – начала XX века бытовало противоположное мнение: Толстой – воплощение всяческой неправды, ненавистник Церкви и враг христианства. А некоторая часть нецерковной или околицерковной интеллигенции обвиняла писателя в измене интеллигенции и ее идеалам. Как видим, в русском обществе толстовского времени сосуществовало несколько основных представлений о высшей жизненной правде. И те, кто придерживался этих представлений, весьма активно реагировали на все, связанное с Толстым, и пытались судить или обсуждать его со своих позиций.

Пушкин точно определил сферу деятельности, в которой заложены ответы на вопросы о смысле творчества и жизни любого писателя: «Слова поэта суть его дела». Думается, проникнуть в тайну Льва Толстого, разобраться, в чем же он видел абсолютную истину, высшую жизненную правду, невозможно без самого писателя, то есть без внимательного, непредвзятого прочтения и изучения его произведений. Однако, наряду с этим, важно иметь в виду контекст мировой религиозной и культурной жизни, что поможет глубже заглянуть в сокровенное толстовского понимания праведничества.

2

Размышляя о праведничестве и праведниках, несомненно стоит обратиться к Ветхому Завету, откуда узнаем, что история праведничества начинается с первого человека Адама (в раю и после искупления грехопадения), его сына Авеля, продолжается Авраамом, Ноем, Лотом, многочисленными пророками, Симеоном-Богоприимцем, праведными Иоакимом и Анной (родителями Богородицы), праведным Иосифом (обручеником Девы Марии), переходит в Новый Завет, в котором раскрывается *первообраз* праведника – Богочеловек Иисус Христос (хотя, впрочем, уже в ветхозаветное время царь и пророк Давид постоянно в своих псалмах обращался к Богу как Праведнику – см., например, псалмы 36, 84, 91, —да и не только он). Вполне определенное представление о понимании праведничества можно почерпнуть из новозаветных текстов (см., например: Мф 16: 22–23; Деян 22:14;

Послания апостола Павла (Рим 4:10; Евр 12; Тит 3: 5 и т. д.); 1 Ии 2:1–2; 3: 7–8 и многие другие). Тексты Ветхого и Нового завета, как известно, являлись основным источником творческого вдохновения как для средневековых художников, так и для людей XVII–XX веков.

Думается, современному пытливому читателю важно понять, как *реально* (а не в воображении) толстовский текст (в широком понимании этого слова) вписывался в мировой контекст. Для достижения обозначенной цели необходимо осознание смысла и духа библейских текстов, с одной стороны, и толстовских произведений, с другой. В первом случае лучше всего нам помогут святоотеческие творения, на которые мы и будем ссылаться. Во втором случае нужно узнать, как мыслят о Толстом литературоведы и все те, кто так или иначе выступал в роли литературоведа, обращаясь к наследию писателя. С них, как кажется, и стоит начать.

Вполне очевидно, что праведники и праведничество – прежде всего тема филологическая, ибо представления о семантико-онтологическом наполнении слов «праведный», «праведник» мы получаем из *текстов* Священного Писания, из их анализа и восприятия в истории человечества (устных и письменных свидетельств Священного Предания, научных, художественных произведений), из изучения опыта трансформации, оспаривания, противодействия этим текстам и создания новых текстов, новых смыслов прежних понятий.

Поэтому очевидно, что толстоведы, интересующиеся проблемой праведничества и смежными с ней вопросами, неизбежно должны учитывать мировоззрение, религиозные взгляды, философию Толстого в целом не в меньшей степени, чем его собственно литературно-художественное наследие. Только гармоничное сочетание анализа этих разных, но тесно связанных между собой сторон творческой деятельности писателя может гарантировать продуктивность изучения и осмысления толстовской концепции праведничества. Подобный подход особенно ценен применительно к поздним художественным произведениям Толстого. В то же время стоит обращаться и к фактам литературной и житейской биографии «раннего» Толстого, а также его предшественников и современников. Без учета этих фактов не совсем понятно будет становление идеалов писателя, их своеобразие.

3

Интерес к вопросам праведности, реального воплощения высоких человеческих идеалов явственно ощущается в светской культуре на протяжении всего XIX столетия. Об этом свидетельствуют, например, поэмы декабристов А. А. Бестужева «Андрей, князь Переяславский», А. И. Одоевского «Василько», В. К. Кюхельбекера «Агасвер», его же мистерия «Ижорский», творчество А. С. Пушкина («Капитанская дочка» и др. произведения), Н. В. Гоголя (например, «Мертвые души»), драматургия А. Н. Островского, издание в 1836 г. Д. А. Эрнстовым и лицейским товарищем Пушкина М. Л. Яковлевым «Словаря о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местночтимых» и т. д. и т. п. Этот интерес, с одной стороны, подпитывался новым соприкосновением интеллигенции с народом и Церковью после Отечественной войны 1812 г., а с другой стороны, сам способствовал стремлению к более серьезному изучению, теоретическому и художественно-практическому осмыслению жизни народа и Церкви.

Одним из первых «специалистов», «профессионалов» именно в исследовании праведничества, пожалуй, следует признать Н. С. Лескова. Он не только изучал церковную литературу (Св. Писание, Прологи, Минеи, Патерики), фольклорные произведения (духовные стихи, религиозные легенды, песни, сказки), не только создал самую большую галерею образов праведников, объединив некоторые свои творения даже в цикл «Праведники», но и пытался теоретически осмыслить само явление праведничества, определить рамки семантического наполнения слова-термина «праведник». По Лескову, неверно называть людей святой жизни героями, ибо «святые отличались возвышенными свойствами гораздо более высокого качества, именно – *праведностью*»¹ и «прожить изо дня в день праведно долгую жизнь, не солгав, не обманув, не слукавив, не огорчив ближнего и не осудив пристрастно врага, гораздо труднее, чем броситься в бездну, как Курций, или вонзить себе в грудь пук штыков, как известный герой швейцарской свободы»².

В статьях Лескова «Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (религия страха и религия любви)» и «Лучший богомолец: (Краткая повесть по Прологу с предисловием и послесловием о “тенденциях” Л. Толстого)» представлен один из первых опытов осмысления позднего творчества Толстого. Защищая «ересиарха» Толстого прежде всего от критических замечаний К. Н. Леонтьева, Лесков указывал на, как ему казалось, подлинно христианский дух творений яснополянского писателя, где побеждает любовь к ближним и уже нет страха перед Богом. Он опровергал мнение о нехристианских «тенденциях» Толстого на основе конкретного разбора произведений Толстого, в частности источника рассказа «Три старца» («Слова от Лимониса о мурии дровосечие» из Пролога) и самого рассказа Толстого. Лесков сделал вывод о их полном сходстве по духу.

В ином виде рисовалось христианство Толстого К. Н. Леонтьеву. В известной книге «Наши новые христиане Ф. М. Достоевский и граф Лев Толстой...» он характеризует религиозное мировоззрение Толстого и Достоевского как сентиментальное, «розовое» христианство, утверждая, что оба писателя признают «святым и божественным только то, что наиболее приближается к чуждым православию понятиям европейского утилитарного прогресса»³. Вряд ли можно согласиться со столь категоричным выводом. Однако книга Леонтьева содержит немало точных и ценных наблюдений над текстом рассказа Толстого «Чем люди живы?», раскрывает

¹ Лесков Н. С. О героях и праведниках (заметка) // Церковно-общественный вестник. 1881. № 129. С. 5.

² Там же.

³ Леонтьев К. Н. Наши новые христиане Ф. М. Достоевский и граф Лев Толстой (по поводу речи Достоевского на празднике Пушкина и повести графа Толстого «Чем люди живы?»). М., 1882. С. IV.

его двупланность. По словам Леонтьева, в этом произведении Толстого полноправно звучит не только голос тенденции автора, его своеобразного, нехристианского понимания любви (любви «самовольной, чисто-утилитарной, ничем не сдержанной и не направленной», в которой нет любви к Богу и Церкви), но и голос православного мировосприятия, когда страх греха и Бога, смирение осмысляются как начало духовного делания, «премудрости», а любовь – как плод духовной жизни (в качестве примера он приводит покаяние ангела и Матрены).

Здесь, кстати, важно подчеркнуть, что Лесков, защищая «ересиарха» Толстого от «нетерпимости» Леонтьева, по сути спорил с собственными представлениями о книге оппонента, а не с ним самим. Леонтьев ни разу не ставил страх (понимаемый к тому же Лесковым буквально, в низком, обыденном, а не высокорелигиозном смысле) выше любви, а только указывал, что подлинная любовь не рождается из ничего, являясь высшим даром Божиим, конечным результатом духовных усилий, смирения, кротости и страха Бога и греха. И все же Леонтьев не стал тщательно изучать собственно толстовские представления об истине, о жизненной правде, не учел он и фольклорного источника рассказа «Чем люди живы?» (легенда олонецкого сказителя Щеголенка и легенда «Ангел» из сборника А. Н. Афанасьева «Русские народные легенды»), что привело его к чрезмерному противопоставлению художника и мыслителя даже в пределах одного этого рассказа.

В отличие от Лескова и Леонтьева, значительная часть современников Толстого уделяла преимущественное внимание его социально-экономическим, политическим и религиозным взглядам в целом. При этом, разумеется, анализировались отдельные эпизоды философской публицистики (а иногда и художественных произведений) писателя. Хочется обратить внимание на труды тех ученых-философов, критиков и богословов, которые, не затрагивая непосредственно тему праведничества, дают общее представление о характере религиозного мировоззрения Толстого, приближая нас к пониманию основ концепции праведничества писателя. Среди них можно условно выделить два направления: «критическое» и «апологетическое». К первому прежде всего следует отнести таких деятелей науки, как П. Е. Астафьев, А. А. Козлов, А. Гусев, Е. Бобров, Л. З. Слонимский, Д. Аннинский⁴. Большинство из них, размышляя о религиозно-философской деятельности Толстого, отмечали ее несоответствие установленным традиционным представлениям и понятиям о философии и религии.

Поэтому, как считали, например, А. А. Козлов, А. Гусев, Е. Бобров, учение яснополянского мудреца нельзя признать в собственном смысле слова ни философией, ни религией, ни имеющим прямое отношение к христианству. Они демонстрировали существенные изменения в Евангелии, допущенные Толстым.

С критикой религиозных воззрений писателя часто выступали деятели Православной Церкви (особенно после появления «Крейцеровой сонаты»). Святители Феофан (Говоров), Никон (Рождественский), Антоний (Храповицкий), священник Павел Городцев, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев и многие другие настойчиво подчеркивали антицерковный характер религиозно-литературной деятельности Толстого.

Однако все эти ученые, критики и богословы, высказывая немало ценных и точных замечаний, не ставили себе целью серьезный и подробный анализ целого ряда важных художественных произведений Толстого, упустив из виду, так сказать, положительное начало, быть может, целиком не укладывающееся в рамки «направления», но являющееся неотъемлемой и не случайной частью творческого наследия писателя.

⁴ См.: *Анинский Д.* Граф Лев Николаевич Толстой как моралист. Рязань, 1914; *Астафьев П. Е.* Учение графа Л. Н. Толстого в его целом. М., 1892; *Бобров Е.* Этические воззрения графа Л. Н. Толстого и философская их критика. Юрьев (Дерпт), 1897; *Гусев А.* Любовь к людям в учении графа Л. Толстого и его руководителей. Казань, 1892; *Козлов А. А.* Религия графа Л. Н. Толстого. СПб., 1888; *Слонимский Л. З.* «Учение истины» и практическая мораль графа Л. Н. Толстого. Ч. 13. Произведения последних лет. 1-е изд. М., 1891 // Вестник Европы. 1891. № 9.

Другая ситуация наблюдается в «апологетических» работах. Еще А. Гусев отмечал, что поклонники Толстого Н. Н. Страхов и В. П. Буренин, увлекаясь талантом писателя, смешивали понятия «христианство» и «толстовство», отождествляя их, что приводит к непониманию как природы христианства, так и творчества Толстого.

Дань подобному подходу отдали и Н. С. Лесков, и М. О. Меньшиков. В начале XX в. к ним присоединились ближайшие последователи Толстого: В. Г. и А. К. Чертковы, Н. Н. Гусев, В. Булгаков, молодой П. Сорокин. А. К. Черткова, например, упрекала тех, кто указывал на предвзятое отношение Толстого к православию, на его плохое знание писаний святых отцов и «извращение действительности». В доказательство противоположного утверждения она приводила ценный конкретный материал о широте знакомства Толстого с духовно-нравственной литературой («Добротолюбие», Прологи, творения Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, Тихона Задонского), о его стремлении публиковать произведения православных авторов в издательстве «Посредник». Однако как бы игнорируя (возможно, не совсем осознанно) подлинный смысл и направленность текстов Толстого и своеобразие использования им православных книг, А. К. Черткова делала несправедливые выводы о православности Толстого, а поэтому давала неточные ответы обвинителям писателя. Широта знакомства Толстого с православной литературой не свидетельствует о согласии писателя с духом и смыслом прочитанного. Да и сама Черткова понимала, что «Посредник» выбирал материалы из произведений духовных писателей по *своему* разумению, за что цензура изымала тиражи издательства.

Особо мыслят о правдоискательстве Толстого Д. С. Мережковский, М. Юшкевич, Д. Н. Овсяннико-Куликовский и группа религиозных мыслителей, выпустивших в 1912 г. сборник «О религии Толстого».

Примечательным достоинством Мережковского как исследователя толстовского мировоззрения является активное привлечение им художественных произведений Толстого. Мысль Мережковского отличает ряд точных критических замечаний по поводу непонимания писателя в целом, его религии, которые, впрочем, носят не ругательно-публицистический, а объективно-научный характер, выявляя специфические черты толстовского «христианства» на фоне традиционного (например, душевный, а не духовный характер религиозных переживаний, кощунства над таинствами Церкви, «христианство без Христа» и т. д.). Однако Мережковский не оставался до конца беспристрастным. Его книга «Л. Толстой и Достоевский» была призвана продемонстрировать прежде всего концепцию подлинного христианства самого ее автора, концепцию «третьего и последнего царства Духа», где сливаются «святость плоти» и «святость духа». Поэтому зачастую Мережковский подгонял под свою теорию художественные тексты Толстого, искажая идею некоторых положительных персонажей (например, мужика Акима из драмы «Власть тьмы»), смещая акценты в творчестве писателя (делая, например, особое ударение на образе дяди Ерочки из «Казачков»), превращая Толстого в одностороннего «тайновидца плоти», «урожденного язычника».

М. Юшкевич, рассматривая христианскую веру как старинную анимистически-религиозную, деревенскую форму социального внушения», переводил религиозную проблематику художественного наследия Толстого в область чистой психологии – рефлексии у интеллигенции и стихийного, коллективного подсознательного у простого народа. По Юшкевичу, интеллигентские «веры», не отказываясь от рефлексии, должны направляться в сторону «могучих и почти инстинктивных эмоций, которые входят в коллективное сознание широких масс»⁵, как, согласно его убеждению, Толстой стремился от левинского начала к каратаевскому. Подобный возведенный в абсолют сугубо психологический подход к Толстому и его творениям перекрывает пытливому читателю доступ к истинной глубине художественного мира писателя. И, разумеется, как в романах «Война и мир» и «Анна Каренина», так и в более поздних произведе-

⁵ Юшкевич М. Религиозные искания Л. Н. Толстого // Вестник Европы. 1911. № 3. С. 273.

ниях речь идет не только и не столько об «эмоциях», «инстинктах», «рефлексии», сколько о проблемах душевной и духовной жизни, о поисках высшей правды человеческого существования. Да и Толстой от Левина шел не к Каратаеву, а к праведникам народных рассказов, «Отца Сергия», «Фальшивого купона», «Власти тьмы».

В отличие от М. Юшкевича, Д. Н. Овсяннико-Куликовский принимал во внимание наряду с ранним и поздний период художественной деятельности Толстого, рассуждал о субъективном и объективном характере его творчества в целом и некоторых отдельных образов в частности. Он одним из первых стал утверждать целостность жизненного пути писателя и условность, неточность слова «перелом» по отношению к его внутренним и внешним изменениям 1880-х годов. Важно мнение критика о религии Толстого, лишенной «чарующей наивности непосредственной веры, религиозных утешений и упований»⁶, «лишенной поэзии Евангелия»⁷. Но Овсяннико-Куликовский не давал подробного анализа конкретных поздних текстов религиозного плана, их содержания, их поэзии в сравнении с поэзией Евангелия, осмысления самой поэзии Евангелия. Поэтому позднее творчество Толстого в сознании критика предстает как религия «силлогизмов», как однообразная серая масса тенденциозных произведений, иллюстрирующих новые идеи писателя, а вместо изложения толстовского понимания высшей правды и праведности находим обвинения в адрес писателя, заключающиеся в том, что Толстой не увидел высшей правды там, где она виделась самому Овсяннико-Куликовскому, – в интеллигенции и ее гуманистических моральных и гражданских идеалах.

Уже почти классическим в отечественном толстоведении стал сборник «О религии Толстого», куда вошли статьи таких известных религиозных мыслителей, как Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. В. Зеньковский и многие другие. Однако исследования, помещенные в сборнике, носят, с одной стороны, чисто философский, обобщенно-теоретический, а с другой стороны, публицистический характер, являющийся откликом на злобу дня. Поэтому авторы статей, особо высоко (хотя и по-разному) оценив борьбу Толстого против духовного оцепенения, религиозной индифферентности части русского общества, не обратили существенного внимания на особенности положительной программы преобразования жизни и утверждения подлинной правды на земле, явно и не совсем явно проглядывающей в литературных произведениях писателя.

Своеобразно восприятие Толстого и его религиозных взглядов зарубежной дореволюционной критикой. Первейшей задачей для иностранных исследователей было ознакомление своих соотечественников с его художественным наследием, взглядами и биографией. Поэтому для них характерен более или менее подробный пересказ произведений, дневников, а также печатных и устных откликов и воспоминаний родных, близких и знакомых Толстого. Кроме того, на Западе чрезвычайно велика была популярность Толстого, вследствие чего в большинстве случаев осмысление его творческого наследия, мировоззрения да и жизни России в целом производилось с помощью его же критериев истины, без учета иных точек зрения, иных сторон действительности. Думается, именно поэтому в дореволюционных зарубежных изданиях практически невозможно найти собственно научного, объективного анализа жизни и творчества писателя. К тому же зачастую Толстой использовался лишь в качестве примера или иллюстрации взглядов самих исследователей.

Так, например, Э. Кросби, Т. Феррис, Х. Мэссингэм «христианизировали» Толстого в целях полемики с Церковью, пытаясь с помощью рассказа о его жизни и творчестве утвердить мысль о безжизненности и бессилии Церкви, о несовместимости Церкви и христианства⁸. При

⁶ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Лев Николаевич Толстой: Очерк его художественной деятельности и оценка его религиозных и моральных идей. СПб., 1911. С. 69.

⁷ Там же. С. 90.

⁸ См.: Crosby E. Cast out: Tolstoy's offense against the church // The New Order. 1901. № 38; Idem. Tolstoy and his message. New York, 1911; Ferris T. Tolstoy and the Churches // The Open Road. 1908. № 1; Massingham H. W. The last of Christians //

этом не учитываются и не анализируются ни история христианства, ни взгляды Толстого в их полноте и неоднозначности. Иногда рассуждения подобных исследователей приводили к анекдотическим ситуациям. Так, Х. Мэссингэм считал, что Толстой стал христианином не в догматическом смысле слова, ибо он отвергал ортодоксальные протестантизм и католицизм с одинаковым Презрением. Автор статьи даже не осознавал, что Толстой был крещен и жил в православной стране, а поэтому для него была важна борьба с Православной Церковью. Католическая же и протестантская конфессии не имели серьезного влияния на жизнь в России вообще и на Толстого в частности, не их он отвергал.

Более объективные и серьезные размышления о творчестве писателя демонстрировали самые активные дореволюционные толстоведы – А. Моуд и Г. Р. Нойес. У этих ученых информирование читателей о содержании произведений писателя, о его биографии сочетается с их анализом и оценкой. А. Моуд, к примеру, изучая текст толстовского перевода Евангелия, указывал на существенные изменения по форме и содержанию, произошедшие в результате перевода. Ученый считал, что идеи непротивления, отрицания правительств, собственности не вытекают из Евангелия, и признает их «предрассудками» Толстого. И все же религиозно-этические проблемы рассматриваются Моудом с точки зрения антицерковных настроений самого Толстого, а поэтому христианская традиция, от которой писатель не только отталкивался, но на которую и опирался, представлялась исследователю «старым предрассудком» и ее роль в жизни и творчестве Толстого серьезному научному исследованию не подвергалась.

Г. Р. Нойес выделял четыре основных элемента этической системы Толстого (индивидуализм, неприятие цивилизации, пессимизм, аскетизм), через анализ которых творчество писателя подвергалось более критическому, нежели у Моуда, разбору. По мнению исследователя, аскетизм и пессимизм сделали Толстого ненадежным руководителем в личной этике, как и в деле социального преобразования. «Как создатель этической системы Толстой был слаб, неверен, даже абсурден» – таково убеждение ученого. Как видим, выводы Нойеса совершенно неожиданны и не соотносимы с объектом его исследования. Еще в большей степени усиливает подобное ощущение сближение идеалов последнего периода религиозной деятельности Толстого с идеалами средневекового монашества.

В целом можно сказать, что религиозный аспект литературного творчества Толстого в дореволюционной зарубежной критике существенному научному исследованию не подвергался. Проблема положительного героя, а тем более проблема праведничества вообще не ставилась иностранными толстоведами. Лишь однажды мелькнуло слово «праведничество» в статье Т. Ферриса «Толстой и Церковь» («Tolstoy and the Churches»): «...he (Толстой. – А. Т.) has done more than any man of his time to direct human thought into the paths of righteousness»⁹. Но на этом смелом предположении и обрывается мысль Т. Ферриса.

Большинство русских и зарубежных исследователей Толстого XIX в. и начала XX в. мыслили о писателе не филологически, а, как правило, философски или публицистически, если можно так выразиться, лишь в незначительной степени касаясь художественного наследия писателя. Даже те из них, кто в общих чертах верно определял некоторые особенности религиозного мировоззрения Толстого (не говоря уже о тех, кто искажал идеи и чувства писателя, подгонял их под свое мировоззрение) и касался его литературных трудов, практически не уделяли внимания собственно позднему периоду творчества. В статьях и книгах, например, Лескова, Мережковского, Овсяннико-Куликовского, непосредственно анализировавших поздние произведения Толстого, праведничество по сути не выделялось как самостоятельная и одна из главнейших тем его творчества, не рассматривалось всесторонне и объективно ни в теоре-

The New Order. 1900. № 26.

⁹ Ferris T. Tolstoy and the Churches // The Open Road. 1908. № 1. P. 55. («Он сделал более, чем кто-либо из современников, чтобы направить мысль человечества на путь праведничества.»)

тическом (на уровне общих терминов и понятий), ни в практическом (на уровне конкретного исследования художественной ткани и истории создания произведений) плане. Это приводило к пропуску или неадекватной интерпретации ряда важнейших моментов жизни и творчества Толстого 1880—1900-х годов.

4

После революции 1917 г. литературоведы стали по-иному мыслить о Толстом. Во многом это объясняется и спецификой произошедших духовно-политических изменений, и непреложным законом внутреннего развития самой науки филологии. Поэтому отечественное толстоведение стало, с одной стороны, в большей степени филологическим, а с другой стороны, более политизированным и социологизированным.

Как известно, в первые годы и даже десятилетия советского государства значительная часть поздних творений Толстого находилась фактически под запретом. Даже знакомство со многими художественными произведениями 1880—1900-х годов было крайне затруднительным, ибо они признавались «реакционными», «слабостью» Толстого как художника и мыслителя.

Лишь в послевоенные годы позднее творчество Толстого стало привлекать более серьезное внимание. И все же толстовская концепция праведничества тогда не обсуждалась. Так, у известной исследовательницы Л. М. Поляк речь шла только о «текучести», динамичности и психологизированности положительных образов Толстого, о статичности и душевной неподвижности отрицательных персонажей. А об источнике и цели движения героев – высшей правде – в работах Поляк не говорится вообще. Да и обсуждение самой теоретико-литературной проблемы положительного и отрицательного героя применительно к творчеству Толстого признавалось фактически неправомерным из-за отсутствия якобы четкой границы между положительными и отрицательными персонажами писателя: первые у него имеют «тени» (т. е. небольшие недостатки характера), а вторые «всегда даются в очень смягченном тоне, без резкостей, скорее иронически, чем сатарически»¹⁰. Правда, Л. М. Поляк отмечала резкое усиление сатирического начала в романе «Воскресение», но резкого усиления толстовских поисков положительного начала и результатов этого поиска так и не касалась. Поэтому закономерен и общий вывод литературоведа: «Принцип “фальшивого купона”, где цепь случайностей, произвол определяют судьбы людей, – основной принцип идейно-философской системы Толстого»¹¹.

В 1950—1970-х годах появился ряд крупных обзорных работ, посвященных разным аспектам исследования художественного наследия Толстого и затрагивающих некоторые проблемы позднего творчества писателя. В них содержатся немалочисленные и интересные отдельные наблюдения и выводы в области поэтики и истории создания произведений Толстого 1880—1900-х годов. Однако подобные работы неизменно сопровождала оценка Толстого как слабого мыслителя, выразившего будто бы идеалы «отсталого» патриархального крестьянства, идеалы христианского смирения и терпения и не понимавшего положительной роли революционного движения. Следовательно, результаты таких изысканий должны быть проверены, уточнены, поставлены в иной контекст и, соответственно, должны получить совершенно новую интерпретацию и оценку.

Дань такому социологизированному подходу к прочтению Толстого отдали и ученые-филологи, посвятившие свои диссертации специально изучению поздних произведений писателя (причем не только их формальной, но и идейно-содержательной стороны).

Однако в диссертации Л. Д. Опульской «Особенности реализма Л. Толстого в поздний период творчества (1880—1900-е годы)», несмотря на свойственное рассматриваемому периоду отечественной науки критическое отношение к религиозно-нравственному учению Толстого и актуализацию прежде всего социальной ориентированности произведений писателя, тем не менее едва ли не впервые указывается и доказывается, что мировоззренческий «пере-

¹⁰ Поляк Л. М. Принципы изображения человека в романах Льва Толстого // Уч. зап. МГУ. Вып. 100. М., 1947. С. 107.

¹¹ Там же. С. 105.

лом» не обеднил его художественное творчество, а просто дал начало иному, качественно новому этапу его развития.

Особое место в советском толстоведении занимает фундаментальный труд Е. Н. Купреяновой «Эстетика Л. Н. Толстого», где поднимается широкий круг проблем (эстетических, религиозно-этических, источниковедческих и др.). Купреянова детально проанализировала процесс становления мировоззрения Толстого. Ее вывод однозначен: толстовское восприятие мира складывалось «не на религиозно-мистической почве, а в духе эмпирико-рационалистического мышления»¹². Поэтому, убеждена исследовательница, в религии Толстого нет собственно религиозного смысла, нет Бога, а есть лишь вера, имеющая социальный смысл, определяющая, как человек живет, трудится и т. д. Иными словами, религия Толстого – атеистическая.

Существенна критика Купреяновой Я. С. Билинкиса, К. Н. Ломунова и ряда других толстоведов за, по ее словам, неправомерный подход к поздним произведениям писателя (например, за обвинение некоторых героев Толстого в том, что они дворяне, или обличение самого Толстого за сплошную непоследовательность и противоречивость). Важно помнить, считает исследовательница, что Толстой современное ему общество осмыслял в «категориях его собственного, а отнюдь не нашего мышления»¹³. Замечателен настойчивый призыв Купреяновой к отечественным литературоведам не замалчивать, а тщательно изучать религиозную проблематику художественного наследия писателя, обращать особое внимание на источники его произведений, среди которых есть не только фольклорные, но и церковно-христианские, относящиеся к древнерусской литературе. В самой книге «Эстетика Л. Н. Толстого» указано большое количество таких источников.

Искателям правды «Эстетика Л. Н. Толстого» должна быть интересна, потому что Купреянова специально заостряет внимание на толстовской концепции жизненной и художественной правды, завершив свои наблюдения обширным обобщением. По мнению исследовательницы, жизненная и художественная правда Толстого – это «не найденная и утвердительная, а искомая и негативная правда ненависти ко лжи, в этом своем негативном содержании утверждающая себя в качестве самого высокого познавательного, этического и эстетического принципа. Правда непосредственного восприятия жизни и ее непредубежденного осмысления, свободного от общественных предрассудков и ложных “генерализаций” – и в этом смысле принцип познавательный; правда всякого искреннего поступка, побуждения и мнения – и в этом смысле принцип этический; правда художественного изображения человека таким, каков он есть, а не таким, как кажется себе и другим, – и в этом смысле принцип эстетический»¹⁴.

Однако, полагая, что к «числу самых слабых сторон противоречий мысли Толстого относится идея нравственного самоусовершенствования», религиозная окраска которой «реакционна», Купреянова мыслила себе религию Толстого как поэтическую условность реалистического искусства, выражающую протест против богатых, утверждение «правды должного» только лишь как идеальной правды народного предания и только в выработанных этим преданием формах иносказания (притчи, легенды, сказки) и в их религиозной символике. А древнерусские жития, ставшие источником вдохновения Толстого, воспринимались Купреяновой и ее современниками как сухие и бедные в художественном отношении произведения. В результате становится практически неизбежным «обвиняющий» Толстого вывод, который и прозвучал у Купреяновой: «Немотивированность, или недостаточная мотивированность внезапного обращения разбойников в праведников, заставляет признать известное отступление Толстого от реалистических принципов его эстетики...»¹⁵

¹² Купреянова Е. Н. Эстетика Л. Н. Толстого. М., 1966. С. 50.

¹³ Там же. С. 100.

¹⁴ Там же. С. 280.

¹⁵ Там же. С. 286.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.